

На правах рукописи

Вавилов Антон Валерьевич

**УЧЕНИЕ О СУМАСШЕСТВИИ
В ФИЛОСОФИИ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ**

Специальность 09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ростов-на-Дону – 2016

Работа выполнена на кафедре философии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент,
Тациан Андрей Артемович

Официальные оппоненты: **Коротких Вячеслав Иванович**
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», профессор
кафедры философии и социальных наук

Макаров Владимир Витальевич
кандидат философских наук, доцент,
ФГБУ ВОиН «Санкт-Петербургский национальный исследовательский академический университет Российской академии наук»,
доцент кафедры философии

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится «06» октября 2016 г., в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.11 по философским наукам Южного федерального университета по адресу: 344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, 116, ауд. 220.

Автореферат разослан «__» июля 2016 г.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, ул. Зорге 21 ж) и на сайте Южного федерального университета по адресу <http://hub.sfedu.ru/diss/announcement/c2741cde-abeб-46f4-a3ee-423ee059e31d/>

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Ю. Браерская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Анализируя современную философскую ситуацию, можно заключить, что проблематика Иного выступает определяющей для всего постклассического дискурса, в котором ставится центральный вопрос трансформации разума посредством его движения к пограничному и иррациональному. Поэтому неудивительно, что внимание современной мысли устремлено к таким «трансгрессивным», «гетерогенным» феноменам как бессознательное, смерть, безумие, эротизм, чувственность, телесность, «опыт-предел». Но именно проблематика сумасшествия, занимая центральное место в изучении человека, выступает исключительно важной для современной философии как таковой. И это не случайно, ибо, раскрывая некую – до определенного момента дремлющую в глубинах человека – истину его существования, сумасшествие для современного дискурса не столько выступает частным клиническим случаем, сколько совпадает с предметом философских споров о смысле и предназначении человека, о структуре субъективности и изначальной сущности человеческого существования.

В свою очередь, характеризующая постклассическую философию устремленность к иному (иррациональному, экзистенциальному, пограничному) с необходимостью очерчивает пространство, задающее особые возможности диалога с предшествующей философской традицией. Ярким примером здесь выступает обращение современности к наследию Г.В.Ф. Гегеля, традиционно считающегося завершителем классической традиции. Предпринятые (главным образом во французской философии) попытки осмыслить исток системы немецкого классика в таких категориях, как «несчастное сознание», «негативность», «смерть», свидетельствуют о современности и актуальности мысли Гегеля, которой оказываются вовсе не чуждыми трагическое измерение и подлинно экзистенциальный опыт. Нередко внимание уделяется даже самой личности немецкого классика, его

тревожному и во многом болезненному «внутреннему опыту», чуть было не приведшего философа к состоянию действительного сумасшествия.

Учитывая этот довольно высокий интерес современной мысли, с одной стороны, к философии Гегеля в ее экзистенциально-трагическом измерении, в котором проявляются те самые «страдание, терпение и работа негативного», а, с другой, к душевной болезни как к пограничному состоянию, открывающему некую потаенную истину человека, можно сделать вывод об актуальности исследования, посвященного учению немецкого классика о сумасшествии.

При этом стоит отметить, что спекулятивную мысль Гегеля (во многом вопреки только что обозначенной тенденции ее осмысления) довольно часто обвиняют в абстрактном панлогизме и совершаемой на его основе элиминации всего иррационального, экзистенциального, непосредственного, бессознательного, чувственного и интимно-личностного. Подобная рецепция гегелевской философии, представляющая систему немецкого классика как логицистскую радикализацию рационалистической традиции искажает как подлинное устремление мысли философа, так и саму сущность спекулятивной философии, которую она низводит до простой рационалистической метафизики. Во многом неадекватное восприятие системы немецкого классика объясняется слабой степенью исследованности некоторых ее разделов, например, «Антропологии», посвященной бессознательной жизни духа, чувственным моментам человеческого бытия и таким «иррациональным» феноменам как личный гений, интуитивное знание, гипноз, ясновидение, которые, по вышеуказанной точке зрения, философия Гегеля как раз обходит, редуцируя живую субъективность к чистому мышлению. Таким образом, есть еще один – довольно веский – повод обратиться именно к этой – пожалуй, наиболее неадекватно и упрощенно трактуемой – философской системе, и, проработав ее наименее изученный раздел «Антропологии» (в котором и раскрывается учение о сумасшествии), развеять иллюзорный образ мысли немецкого классика.

Степень разработанности темы. Проблематика сумасшествия разрабатывается Гегелем в третьем томе «Энциклопедии философских наук» под названием «Философия духа», в разделе «Антропологии», посвященном движению духа, пребывающего в природной определенности души, к сознанию. В этом же разделе обстоятельно рассматриваются такие, кажущиеся рассудку непостижимым чудом феномены как отношение к «даймону», интуитивное знание, ясновидение, гипноз. Таким образом, философ вовсе не отворачивается от «темных» и «иррациональных» феноменов человеческого бытия, а представляет подробное раскрытие всех бессознательных состояний духа, опосредствующих форму сознания, с которой берет начало раздел «Феноменологии». Однако, несмотря на такую значимость антропологии для окончательного учения немецкого классика, этот раздел является наиболее пренебрегаемым и наименее освещенным из всех разделов системы философа. Дело в том, что предмет этого раздела зачастую (неверно) воспринимается как «примитивный» и малозначительный этап развития духа, как то, что должно быть неминуемо отброшено по достижению формы сознания; довольно упрощенно трактуя антропологию как «слепоту» и «детство» сознательной жизни духа, мыслители, уделяющие этому разделу хоть какое-то внимание, не видят в нем проблемного поля для вопрошания и дальнейших исследований.

Но если сама антропология немецкого классика остается слабо освещенной, то что говорить о степени разработанности гегелевского учения о сумасшествии, представление которого дано именно в этом разделе? Поэтому неудивительно, что мы имеем крайне малое число работ, взявших на себя задачу рассмотреть учение о сумасшествии в философии немецкого классика. Среди русскоязычных исследований нам не удалось найти ни одной работы, раскрывающей данную проблематику. Что касается трудов по гегелевской антропологии в целом, то их количество крайне невелико. Курс лекций Е.С. Линькова, диссертация В.В. Задорина, диссертация и монография К.В. Чепурина, ряд монографий А.И. Тимофеева и А.А.

Александрова – все, что составляет фонд отечественных исследований по антропологии Гегеля. Среди зарубежных исследователей интерес к антропологической проблематике в философии немецкого мыслителя выше, но количество работ посвященных гегелевскому пониманию сумасшествия все же недостаточно. Прежде всего, выделим тех исследователей, чьи монографии посвящены антропологии философа в целом. Среди них Х. Дрю, И. Фетшер, М. Грин, Ф. Гесп, М.Дж. Инвуд, Т.А. Льюис, А. Ломар, Н. Мовад, А.М. Олсон, Дж. Рометч, В. де Врис и М. Вольфф. Здесь из-за сосредоточенности данных авторов на антропологии в ее целостности особенные моменты этого раздела (как, например, момент сумасшествия) остаются непроясненными. В свою очередь исследования Г. Гамма, Ф. Гювена, Дж. Миллса и Д. Страссберга только затрагивают проблематику сумасшествия в философии Гегеля, не переходя к ее подробному анализу. Наконец, такие исследователи мысли немецкого классика как Д. Бертольд-Бонд, Д. Христенсен, С. Фелож, Г-Х. Лукас, Г.А. Маги, Н. Мовад, К. Паж, М. Дж. Петри, К. Пиллов, Дж. Рейд и М. Веннинг все-таки берут на себя задачу по раскрытию гегелевского учения о сумасшествии, однако исполняют ее лишь в форме единичных (за исключением Бертольда-Бонда) статей, в которых в принципе невозможно конкретное и полное раскрытие предмета. Кроме этого, указанные авторы в большинстве случаев или рассматривают сумасшествие наряду с другими моментами духа, раскрываемыми в философии Гегеля, или же и вовсе проводят сравнительный анализ учения немецкого классика с теориями других философов (или психологов), что, конечно же, вовсе не снижает ценности их исследований, однако, уменьшает степень разработанности собственно проблематики сумасшествия в философии немецкого классика. Ввиду этого мы имеем всего три «чистых», или посвященных собственно вопросу сумасшествия в гегелевской системе, статьи: «Пробуждение от (из) безумия: отношение между духом и природой в свете гегелевского понимания сумасшествия» Веннига, «Концепция психической болезни в антропологии Гегеля: противоречие между душой и

духом» Феложа и «Смещение (децентрация) разума: гегелевское учение о сумасшествии» Бертольда-Бонда. Последний автор оказывается единственным исследователем, посвятившим гегелевскому пониманию сумасшествия отдельную монографию («Hegel's Theory of Madness», 1995). Однако он реконструирует это понимание в большей степени с позиций Фрейдовой метапсихологии и потому, будучи несвободным от предзаданной концептуальной сетки, не дает развертываться гегелевской спекулятивной мысли в ее чистоте, исходя из нее самой. Также существенным недостатком некоторых авторов, затрагивающих проблематику помешательства в системе мыслителя, является акцентуация регрессивного характера данного состояния, то есть рассмотрения этого феномена в качестве болезни и упадка, что верно только с точки зрения достигшего состояния рассудочного сознания отдельного индивидуума, падающего во власть чувства, но абсолютно неверно с точки зрения развития духа как такового, в движении которого ступень сумасшествия выступает именно прогрессом. Таким образом, налицо отсутствие собственно логического осмысления спекулятивной проблематики.

Следовательно, заявленный предмет остается открытым для будущих исследований, особенно в поле русскоязычного философского пространства, в котором ему не уделяется не только должного, но и, по сути, вообще никакого, внимания.

Объектом исследования выступает учение Гегеля о субъективном духе, представленное в таких работах как: «Энциклопедия философских наук: Философия духа», «Лекции по философии духа», «Феноменология духа», «Философская пропедевтика», «Иенские наброски системы», «Фрагменты по философии духа».

Предметом исследования является гегелевское учение о сумасшествии.

Цели и задачи исследования. Цель исследования состоит в раскрытии учения Гегеля о сумасшествии в контексте его спекулятивной системы.

Задачи исследования:

1. Выявить историко-философские предпосылки гегелевского учения о сумасшествии (первая глава диссертации):

1) проанализировать трансформацию опыта сумасшествия на рубеже XVIII-XIX вв., имеющую фундаментальное значение для становления науки о душевных расстройствах;

2) рассмотреть «Медико-философский трактат» Ф. Пинеля, раскрыв эмпирическую базу спекулятивного учения Гегеля о сумасшествии;

3) изложить структуру и метод гегелевской системы, особенным моментом которой выступает спекулятивное учение о сумасшествии.

2. Раскрыть учение о душе, или природном духе, изложенное немецким мыслителем в разделе «Антропология», где и рассматривается состояние сумасшествия, представляющее в качестве логически необходимого этапа развития субъективного духа (вторая глава диссертации):

1) рассмотреть диалектику «природной души», или не различенного со своей субстанцией духа;

2) проанализировать логику «чувствующей души», или полагающего различие со своей субстанцией духа;

3) раскрыть этап «действительной души», или снявшего свою субстанцию духа.

3. Проанализировать гегелевское учение о сумасшествии (третья глава):

1) раскрыть общее понятие сумасшествия;

2) рассмотреть особенные формы сумасшествия;

3) проанализировать гегелевские замечания, посвященные терапии сумасшествия.

Теоретические и методологические основания исследования.

Главным теоретическим источником представленной диссертационной работы выступают произведения Гегеля. Несмотря на вышеприведенные исследования, мы в виду их вышеуказанных недостатков стараемся

опираться на подлинные тексты философа, отображая логику движения его мысли, раскрывающей необходимость самого предмета. На наш взгляд, спекулятивный метод, воплощенный и изложенный в трудах немецкого философа, представляет собой наиболее развитую методологию научного исследования, каковая поэтому является для нас основной. Кроме этого, стараясь осветить мысль Гегеля, мы стремимся не к внешней и насильственной ее интерпретации, основывающейся на какой-либо посторонней для самой этой мысли точке зрения, а к имманентному раскрытию ее содержания, исходя из собственных задач и интенций спекулятивной философии. Подобное рассмотрение, отдающееся ритму самого предмета, а не вторгающееся в него по произволу, и выступает, на наш взгляд, наиболее адекватной научной методологией.

Научная новизна исследования:

– на основе анализа «Медико-философского» трактата Филиппа Пинеля эксплицирована эмпирическая база спекулятивной теории сумасшествия;

– при раскрытии гегелевского учения о сумасшествии прояснен ряд двусмысленностей, возникающих в случае рассудочного отношения к разумному (спекулятивному) способу мышления;

– проделан этимологический анализ названий основных форм сумасшествия, выделенных Гегелем, на основе которого предложены наиболее подходящие, по нашему мнению, варианты обозначений;

– критически оценены варианты отечественных переводов обозначений основных форм сумасшествия. В опоре на концептуальный анализ каждой формы, а также на терминологию современной психиатрической науки, предложены альтернативные варианты перевода;

– проделан сравнительный анализ гегелевской классификации душевных расстройств с классификацией принятой в современной науке, а также с разделением, представленным в «Медико-философском трактате» Ф. Пинеля;

– посредством анализа гегелевской антропологии в целом вскрыта неадекватность прочно укорененных предрассудков по отношению к философии немецкого классика, представляющих ее вершиной панлогизма, в которой все чувственные, бессознательное, интимно-личностные и иррациональные моменты человеческого бытия редуцированы к чистому мышлению и нивелированы мощью всеобщего.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) На рубеже XVIII-XIX веков происходит трансформация опыта сумасшествия, имеющая фундаментальное значение для становления науки о психических болезнях. Если ранее в фигуре безумца видели, прежде всего, «чужака» или «животного», а в самом безумии абсолютный предел разума и внеположное ему начало, то с начала XIX века безумие становится с-умасшествием, представляя как открытое для аналитического взгляда рождающейся науки патологическое явление, при котором разум не разрушен, а лишь частично смещен в жизнь чувства. Символом этой трансформации считается деятельность французского ученого Ф. Пинеля, положившая начало как освобождению помешательства от ореола трансцендентности, так и его поднятию с уровня необузданного звериного начала на уровень человеческой патологии, требующей как строгого научного анализа, так и заботливого медицинского ухода.

2) Сумасшествие представляет собой самый болезненный и напряженный момент во всем движении, описываемом гегелевской антропологией. На этом этапе своего развития, полагая внутри себя различие между рождающейся субъективностью-идеальностью и природной субстанциальностью, дух вынужден претерпевать отделение от собственного природно-чувственного непосредственного бытия, с которым он находился до этого в неразличимом интимном единстве. Исходя из этого, можно сказать, что сумасшествие представляет собой наличное бытие «несчастливого», разорванного, распавшегося внутри себя духа, который, с одной стороны, готов снять и подчинить себе природно-чувственную

субстанцию, с другой, влечется обратно в состояние неразличенного единства с ней.

3) Не представляя собой исключительно мыслящее существо, а являясь в такой же мере чувствующим, «страдательным» (претерпевающим), конечный индивидуум при определенных обстоятельствах может оказаться отчужденным от своей свободной при-себе сущей духовности, впад в чувственную жизнь собственной бессознательной субстанциальности, или души.

4) Бессознательные, интуитивные, чувственные – «ночные» – проявления человеческого бытия признаются Гегелем не столько случайными, иррациональными и внеположными ясному свету мышления феноменами, подрывающими самодержавие cogito, сколько логически необходимыми моментами становления самого мышления. Проблематика души, или природной субстанции человеческого бытия, тщательно разработанная немецким классиком в разделе антропологии, свидетельствует о том, что в спекулятивной философии человек вовсе не сводится исключительно к мыслящему существу.

5) Несмотря на довольно устойчивый и закрепившийся образ философии Гегеля, представляющий ее в качестве вершины рационалистической метафизики, элиминирующей все чувственные, бессознательные, иррациональные и интимно-личностные моменты человеческого бытия, немецкий философ вовсе не пренебрегает «ночной» стороной субъективного духа. В разделе антропологии он дает развернутое, подробное и разумное освещение всех бессознательных этапов духа, опосредствующих чистоту формы сознания. Таким образом, подобное видение философии Гегеля не способно схватить подлинное устремление немецкого классика к конкретному рассмотрению человеческой экзистенции.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическое значение диссертации состоит в исследовании наименее изученной в рамках отечественной и зарубежной философской литературы

проблематики сумасшествия в системе Гегеля. Основные результаты работы могут выступить импульсом для дальнейших исследований слабоизученной антропологической проблематики в философии немецкого классика, и могут быть использованы в качестве основания для критической переоценки наиболее распространенных неадекватных толкований спекулятивной системы мыслителя.

Практическое значение исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для чтения курсов по немецкой классической философии, философской антропологии. Ряд положений настоящей работы может быть использован для подготовки спецкурсов по философии Гегеля.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры философии Кубанского государственного университета, и нашли отражение в 7 научных публикациях автора общим объемом 2,8 п.л. (включая три статьи, опубликованные в изданиях, входящих в перечень ВАК), в выступлениях на нескольких конференциях, а также в практике чтения лекций и ведения семинарских занятий в рамках аспирантской практики по следующим курсам: «Немецкая классическая философия» и «Философская антропология».

Структура и объем исследования. Предлагаемое диссертационное исследование состоит из введения, 3 глав, включающих 9 параграфов, заключения и списка использованных источников. Объем работы – 156 страниц. Библиографический список содержит 141 наименование использованной литературы, в том числе 67 источников на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность предмета данного диссертационного исследования; характеризуется степень разработанности

проблемы; определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, его методологическая основа; раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов; формулируются основные положения, выносимые на защиту, и представляется структура диссертации.

Первая глава диссертации **«Историко-философские предпосылки гегелевского учения о сумасшествии»** включает в себя три параграфа.

Первый параграф первой главы **«Трансформация опыта сумасшествия и становление психиатрической науки на рубеже XVIII-XIX веков»** посвящен трансформации восприятия фигуры сумасшедшего, произошедшей на рубеже XVIII-XIX веков и предопределившей весь последующий – в особенности клинико-позитивистский – опыт сумасшествия. Символом этой трансформации выступает фигура французского ученого Филиппа Пинеля, а именно, осуществленное им в лечебнице Бисетр в 1793 году освобождение сумасшедших от оков и цепей, положившее начало становлению психиатрии как науки. Пинель сумел разглядеть в фигуре безумца не Чужака или Животного, но отчужденного, больного Человека, нуждающегося во врачебном уходе и моральной поддержке. Осмыслив безумие в качестве с-ума-сшествия, переведя умалишенных в статус ума-помраченных, заменив преступление болезнью, а трансцендентное, внеположное разуму начало имманентным проявлением человеческой природы, французский ученый пересмотрел как сущность изоляционных убежищ (они стали восприниматься прежде всего как лечебные пункты, а не как приюты для индивидуумов с нетерпимым для общества поведением), так и общее отношение к душевнобольному (который вовсе не утратил разум полностью, а лишь сбился – сошел – с его пути). Лишив безумие, с одной стороны, ореола трансцендентности, а, с другой, запретив редуцировать данное состояние к абсолютной неразумной и неудержимой животности, французский ученый позволил душевной болезни предстать перед бесстрастным взглядом ученого и показать себя в

собственной, незамутненной архаичными тревогами чистоте, что и открыло начало аналитической научной деятельности, результатом которой стал «Медико-философский трактат о духовном отчуждении или мании», вышедший в 1800 году и охарактеризованный Гегелем как лучшая работа в данной области.

Второй параграф первой главы «*“Медико-философский трактат” Ф. Пинеля: моральная терапия и классификация душевных расстройств*» посвящен пинелевскому трактату, составившему основную эмпирическую базу спекулятивного понимания сумасшествия. После анализа пинелевской классификации, включающей в себя пять основных видов душевной болезни (меланхолия, мания без бреда, мания с бредом, деменция и идиотия) автор переходит к анализу причин и терапии сумасшествия. Предложенный Пинелем терапевтический подход к сумасшествию вытекает из понимания сумасшествия как духовного отчуждения. Так как болезнь вовсе не представляет собой полное уничтожение разума и нравственной структуры индивидуума, но является скорее их затемнением фантазмами и неконтролируемыми импульсами, то терапевтическое обращение должно основываться именно на этом своеобразном «остатке» центрального – разумного – ядра личности. Подобное обращение, снижающее авторитет физических и медицинских средств и делающее упор именно на душевно-духовную сторону индивидуума, а не на его телесность, получило название «моральной терапии», компонентами которой являются строгая дисциплина при жестко фиксированном распорядке дня, обязательный физический труд, завоевание авторитета и доверия у пациентов, справедливое отношение к последним и, наконец, метод реализации бредовой идеи ради ее имманентного преодоления.

Таким образом, освобождая сумасшествие от трансцендентности и превращая его в объект бесстрастного аналитического наблюдения, деятельность Пинеля создает условия для зарождения психиатрии как теоретической науки и клинической практики. Именно в опоре на

накопленный рождающейся в лице французского ученого психиатрией материал и выстраивается гегелевская теория сумасшествия.

Третий параграф первой главы *«Спекулятивная философия Гегеля: истина как научная система»* посвящен методологии и основным принципам гегелевской философии. Гегель мыслит философию как науку. Однако, для собственной научности философия не может обращаться к заимствованию метода у какой-либо конечной науки (даже у такой строгой и объективной науки, как математика, знание которой, несмотря на всю ее формальную строгость, по содержанию оказывается как раз самым бедным и абстрактным). Не может философия основываться и на внутреннем чувстве, интуиции или мистическом опыте, так как даже всеобщее содержание, будучи в чувстве, низводится самой формой чувства до чего-то случайного и единичного. Свободное мышление философии не может ни опираться на метод конечной науки, ни довольствоваться ее результатами. Дело в том, что хотя последним и сообщается форма закона, она, по причине его особенности, все-таки еще не является формой всеобщей необходимости. Более того, содержание этой закономерности взятое в своей непосредственности зависит от преднайдённости материала, который дается науке извне, что в свою очередь свидетельствует о несвободе мышления по отношению к данному предмету. Но мышление как таковое, будучи подлинно всеобщей и разумной формой, не может оставаться в таком зависимом положении от предмета. Оно должно сделать предмет действительно своим, сообщив ему разумную форму необходимости или, что тоже самое, обосновать его. Но такое обоснование возможно только как системное изложение дедукции всех определений природного, духовного и логического регионов бытия из развивающей себя самой идеи. Следовательно, и метод философии должен быть усмотрен в живом движении самой действительности. Такой всепроникающей движущей силой, одушевляющей всякое содержание, Гегель признает диалектику, действующую в определении и заставляющую его переходить в свою

противоположность. Однако, как специально подчеркивает немецкий мыслитель, необходимо не только констатировать отрицательность и переход определения в собственную противоположность, но и усматривать в отрицательном положительное или – что то же самое – постигать противоположные определения в их конкретно-всеобщем единстве. Разум не останавливается на голом свидетельстве противоречивости; он постигает противоречивые определения в качестве снятых моментов различного внутри себя всеобщего, или конкретного. Именно на этом логическом пути, который включает в себя (1) абстрактный, или рассудочный, (2) диалектический, или отрицательно-разумный, (3) спекулятивный, или положительно-разумный, моменты, и образуется научная система. Именно этот путь и есть метод, как внутреннее самого содержания. Только на его основе него, как считает немецкий классик, философия может быть объективной и доказательной наукой.

Вторая глава данного исследования **«Антропология Гегеля как наука об основе человека»** содержит три параграфа.

Первый параграф второй главы **«*“Природная” душа, или не различенный с субстанцией дух*»** раскрывает первый момент природного духа, или души, в которой последняя еще пока полностью растворена в своей простой природной жизни, содержащей в себе такие моменты как природные качества, природные изменения и ощущение. Всеобщая мировая душа, предстающая в качестве истины материи и соучаствующая в природной жизни космоса, Земли (смена времен года, суток), распадается на особенные природные духи (расы и народы), а затем обособляется в данном индивидууме с такими изначальными качествами, как характер, темперамент и особенные склонности. Данный этап и назван поэтому природными качествами, каковые остаются неизменными на протяжении всей жизни конечного духа, составляя его бытие. Однако в процессе жизни душа переживает и природные изменения, в числе которых смена возрастов, половое влечение и ощущение. Ощущая, душа открывается как нечто

всеобщее, остающееся неизменным в любом случайном ощущении и растворяющее его материал внутри собственной всеобщности. Так совершается переход к чувствующей душе, способной не только к единичному ощущению, но к полному чувству своей субстанциальной внутренней жизни.

Второй параграф второй главы *«“Чувствующая душа”, или полагающий различие с субстанцией дух»* посвящен второму моменту природного духа, который обозначается мыслителем «Чувствующая душа». На данном этапе душа, погруженная до этого в нераздельное единство со своей простой природной субстанциальностью, вступает в отношение со своей непосредственной чувственной жизнью, и, отличая себя от нее, преодолевает субстанциальный плен ради выхода к чистому и простому отношению идеальности к самой себе, то есть к форме сознания. Поначалу мы наблюдаем форму грезящего, или слитого с субстанцией, духа, каковая включает в себя такие состояния как сновидение, отношение ребенка в утробе к матери, отношение индивидуума к своему активному бессознательному началу, или концентрированной внутренней жизни, которую немецкий мыслитель обозначает «гением» («даймоном»); также к этой форме чувствующей души в ее непосредственности мыслитель относит ясновидение, чувство металлов и воды, интуитивную связь между родственниками, сомнамбулизм и гипноз.

Однако истина души есть сознание, то есть свободное у себя бытие простой и совершенно абстрактной идеальности, растворяющей внутри своей всеобщности любую определенность. Поэтому душа с необходимостью переходит от пассивной слитности с непосредственной чувственной жизнью к прямой противоположности с ней. Данное состояние выступает как сумасшествие, в котором душа переживает раскол внутри себя самой. С одной стороны, она оказывается еще объята жизнью чувства, с другой – стремится преодолеть непосредственность своей субстанциальной жизни, став господином над любым особенным определением. В результате этого

раздвоения в моменте сумасшествия присутствуют как бы две личности, два состояния – сновидение и бодрствование – закрепленные однако в одном и том же состоянии, что выражается используемой Гегелем метафорой «сон наяву». С необходимостью преодолевает эту раздвоенность душа в моменте привычки, которая в себе разделяется на закалку, удовлетворенность и сноровку.

Третий параграф второй главы *«Действительная душа», или снявший субстанцию дух»* посвящен последнему моменту природного духа, в котором он, подчинив себе собственную субстанциальную жизнь, «отпускает» тотальность чувства из себя, рождая таким образом внешний и независимый от него мир свободной внешней предметности. Одновременно в таком отпускании дух становится таким же свободным отношением к внешнему миру, или сознанием. В этом моменте дух подчиняет себе свою телесность, низводя ее до изображения (знака) собственной идеальности, переставая быть лишь душой и становясь сознанием, с которого берет начало уже следующий за антропологией раздел феноменологии.

Проследив весь антропологический путь духа, автор приходит к заключению, что антропология, как ее понимает немецкий мыслитель, есть учение о сфере бессознательного (досознательного, предсознательного), из которой вырастает сознание; о сфере природного, из которой рождается духовное; о сфере непосредственного, интуитивного, магического, которая не отбрасывается, абстрактно отрицаясь, но сохраняется на всем протяжении движения субъективного духа, являясь неотъемлемым моментом конкретной индивидуальности; о сфере внутреннего существа (гений, темперамент, характер, талант), данной индивиду и определяющей его судьбу, о сфере изначального прирожденного материала, отличающего одного индивида от другого.

На основании проработки этого раздела философии немецкого классика делается вывод о необоснованности наиболее укорененных предрассудков по отношению к гегелевской философии, которые представляют ее в качестве

вершины рационалистической метафизики, элиминирующей все интимно-личностное под гнетом абстрактно-всеобщего.

Третья глава диссертации **«Сумасшествие как момент души в гегелевской антропологии»** включает в себя три параграфа.

Первый параграф третьей главы **«Понятие сумасшествия как таковое»** посвящен раскрытию состояния сумасшествия как момента природного духа. Анализ гегелевского учения о сумасшествии предваряется прояснением некоторых двусмысленностей, могущих возникнуть из-за рассудочного отношения к спекулятивному (разумному) способу мышлению. К таковым относятся следующие неясности. 1) Если сумасшествие есть падение развитого рассудочного сознания в жизнь чувства и, стало быть, предполагает сознание в качестве своей предпосылки, то почему оно рассмотрено философом именно в разделе антропологии, который посвящен еще не достигшему формы сознания духу? Не содержит ли в себе подобный порядок рассмотрения логическую ошибку *petitio principii*? 2) Если немецкий мыслитель понимает сумасшествие как необходимый этап в развитии души и субъективного духа в целом, то эквивалентно ли подобное понимание утверждению о необходимости переживать душевную болезнь каждому индивидууму для достижения им подлинно духовного уровня? 3) Так как сумасшествие рассмотрено сразу после животного магнетизма (гипноза), означает ли это, что причиной сумасшествия выступают главным образом гипнотические состояния? 4) Если душа с необходимостью преодолевает собственную внутреннюю разорванность и приходит к гармонии с собой (момент привычки), то означает ли это, что каждый впавший в душевную болезнь индивидуум выздоравливает с необходимостью?

Ответив на данные вопросы, автор переходит к анализу сумасшествия как такового, раскрывая его логическую необходимость в качестве неотъемлемого момента души. В моменте сумасшествия природная субстанция тянет рождающегося субъекта обратно в состояние абстрактной всеобщности, в которой душа пребывает изначально, а субъект или активная

часть души в свою очередь терпит разрыв с единой сферой бессознательного; причем оба направления, обе тенденции актуально существуют в самом субъекте, разрывая его на две части. Именно поэтому можно говорить о самой высокой степени болезненности момента сумасшествия во всем антропологическом движении духа, так как на этой ступени субъективность вступает в прямую противоположность к собственной субстанции, желая освободиться от ее плена. Рассмотрение понятия сумасшествия завершает анализ возможных «действующих» причин душевной болезни, в числе которых как физические, так и духовные. Последние состоят главным образом в неспособности индивидуума пережить какое-либо неожиданное событие – переворот, смещение – затрагивающее его индивидуальный мир.

Второй параграф третьей главы *«Особенные формы сумасшествия»* посвящен гегелевской классификации душевных болезней. Гегель выделяет три основные формы сумасшествия (Verrücktheit): Blödsinn, Narrheit, Wahnsinn; в русском издании «Энциклопедии» дан такой перевод: «слабоумие», «тупоумие», «безумие». Вторая форма сумасшествия (Narrheit) в переводе «Пропедевтики» дана как «мания»; в переводе «Лекций по философии духа» как «блажь». При рассмотрении особенных форм, немецкий философ не заимствует принцип деления из эмпирической науки, неудовлетворительность и недостаточность которого им специально подчеркивается, а дает разумное деление помешательства на виды, исходя из развития его понятия. Поэтому тщетно пытаться искать в трактатах по душевным заболеваниям (как XIX века, так и тем более современных), аналогии с предложенными философом видами, опираясь лишь на их обозначения, ибо введенная классификация имеет смысл исключительно внутри гегелевского дискурса и не отсылает к какому-либо варианту нозографии конечной науки. В связи с этим мы, прежде чем переходить к рассмотрению этих форм в качестве моментов понятия сумасшествия, предпринимаем этимологический анализ используемых философом

немецких терминов, а также на основании этого анализа, соотнося его с концептуальным смыслом каждой особенной формы сумасшествия, проводим «ревизию» отечественных переводов, существенное расхождение в которых заставляет нас критически отнестись к ним.

Проанализировав этимологию и переводы используемых Гегелем понятий, автор переходит к раскрытию каждой формы в ее соотнесении как с классификацией Пинеля, так и с классификацией, принятой в современной психиатрии. На основании раскрытия каждой формы автор заключает, что предложенное немецким мыслителем разделение осуществляется, исходя из самой сути психической болезни, каковая состоит в разрыве истины и достоверности, объективности и субъективности. Разумным делением душевной болезни на три вида (слабоумие, тупоумие, безумие) Гегель стремится не к эмпирически исчерпывающему и при этом совершенно внешнему перебору состояний и симптомов, но к отображению дистанции от истины. По сути эти три формы выражают отношение субъективного духа к истине (взятой здесь как объективный ход вещей) или, если смотреть «от помешанного», степень его погруженности в достоверность собственных лишь субъективных представлений. При слабоумии дух совершенно закрыт от объективной истины; в тупоумии истина искажена в некотором моменте, истина и заблуждение оказываются как бы переплетенными в помешанном сознании, составляя только субъективное единство субъективного и объективного (достоверности и истины). В безумии истина уже наличествует наряду с заблуждением, отрицая последнее. Здесь имеется раскол между субъективным и объективным представлениями. Исцеление есть полнота истины, открытая духу, объективное, а не лишь субъективное тождество субъективного и объективного.

Третий параграф третьей главы *«Терапия сумасшествия»* завершает рассмотрения гегелевского учения о сумасшествии анализом замечаний немецкого мыслителя по поводу лечения душевной болезни. Так как сумасшествие представляет собой некое ставшее сущим заблуждение, в

котором, считая его истинным, и пребывает сумасшедший, философ предлагает не внешне и насильственно добиваться у помешанного признания всей ложности его представления, а использовать силу и логику самого этого представления для его преодоления. Этот метод был описан уже в трактате Пинеля, на которого в вопросе терапии душевной болезни полностью опирается и довольно часто ссылается немецкий мыслитель, говоря о психическом уходе (моральной терапии) как об основном способе лечения при сниженности авторитета физического и медикаментозного лечений, об обязательном труде и справедливом отношении к душевнобольным. Основанием такой терапии выступает само понимание сущности сумасшествия, при котором разум больного не абстрактно потерян или уничтожен, а сохраняет нравственные и интеллектуальные способности, будучи лишь частично отчужден в жизнь чувства. Именно к остатку разума помешанного в целях пробудить в нем сохранившиеся структуры личности и исцелить его предлагает вслед за Пинелем обратиться и немецкий мыслитель.

В «**Заключении**» подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, намечаются направления и перспективы дальнейших исследований.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1. Вавилов А.В. Учение о сумасшествии в философии Гегеля: этимологический анализ основных терминов [Текст] / А.В. Вавилов // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 6. – С. 65-68. (0,46 п.л.).

2. Вавилов А.В. Интимное и спекулятивное: понятие чувствующей души в философии Гегеля [Текст] / А.В. Вавилов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2016. – № 2. – С. 130-136. (0,6 п.л.).

3. Вавилов А.В. Дух и душа: фундаментальная двойственность человеческого бытия в антропологии Гегеля [Текст] / А.В. Вавилов // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 4. – С. 37-40. (0,4 п.л.).

Статьи в других изданиях:

4. Вавилов А.В. Гегелевская метафорика ночи: бессознательное в диалектике теоретического духа [Текст] / А.В. Вавилов // Сборник публикаций Центра гуманитарных исследований «Социум» по материалам международной научно-практической конференции: «XXXIII международная конференция посвященная проблемам общественных наук», г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М.: Центр гуманитарных исследований «Социум», – 2015. – С. 48-51. (0,2 п.л.).

5. Вавилов А.В. Учение о сумасшествии в философии Гегеля: спекулятивная и современная классификации душевных расстройств [Текст] / А.В. Вавилов // Тенденции развития естественных и гуманитарных наук: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (2 июля 2015г.): – Ростов-на-Дону: ООО «ПРИОРИТЕТ», – 2015. – С. 66-72. (0,46 п.л.).

6. Вавилов А.В. Антропология Гегеля как наука об «основе человека» [Текст] / А.В. Вавилов // Теоретические и практические вопросы современной науки. Сборник научных работ VI Международной научной конференции Евразийского Научного Объединения (г. Москва, июль 2015). – М. ЕНО, – 2015. – С. 113-115. (0,44 п.л.).

7. Вавилов А.В. Трансформация опыта безумия на рубеже XVIII-XIX вв.: деятельность Ф. Пинеля [Текст] / А.В. Вавилов // Современные концепции развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (18 сентября 2015 г, г. Екатеринбург). – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, – 2015. – С. 134-137. (0,3 п.л.).

Для заметок

Для заметок

Сдано в набор 06.07.2016. Подписано в печать 06.07.2016.
Печать офсетная, гарнитура Times New Roman.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 1,0.
Тираж 100 экз. Заказ № 158.

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111
тел. 8-918-570-30-30.